

УДК 82.09

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА АВТОФИКШНА В ПАРАДИГМЕ МЕТАМОДЕРНИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Р. СЕНЧИНА И М. СТЕПАНОВОЙ)

А.А. Сокк (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье исследуется отечественный автофикшн как репрезентативная стратегия метамодернизма. Актуальность работы обусловлена необходимостью системного анализа русского автофикшна в контексте метамодернистской литературы. На материале знаковых романов Р. Сенчина «Дождь в Париже» (2018) и М. Степановой «Фокус» (2024) выявляются ключевые характеристики метамодернистского автофикшна: особый модус субъектности, рефлексия над личной и семейной памятью, гибридизация факта и вымысла, установка на новую искренность.

Цель предпринятого исследования – определить специфику отечественного автофикшна в контексте метамодернистской художественной парадигмы, выявив, каким образом в текстах Р. Сенчина и М. Степановой реализуются ключевые категории литературного метамодернизма.

Обзор научной литературы по проблеме. Разработка теории метамодернизма связана с работами Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс. Отечественные и зарубежные исследования в области автофикшна принадлежат А.В. Жучковой, Л.Е. Муравьевой, К.Э. Разухиной, С. Дубровски, Ф. Лежена, А. Эффе и др. При анализе художественных текстов мы обращаемся к трудам Н.В. Ковтун, Д.О. Котомцева, Е.О. Новиковой как ключевым для решения поставленных задач.

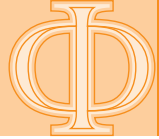
Методология. В работе использованы структурно-типологический, сравнительный и текстуальный методы.

Результаты исследования. Автофикшн в романах Р. Сенчина «Дождь в Париже» и М. Степановой «Фокус» выступает репрезентативной стратегией, отсылающей к поэтике метамодернизма. Его природа раскрывается через особый модус субъектности (разрыв между реальным «я» автора и нарративизируемым «я» героя), осцилляцию между документальностью и метафорой, памятью и забвением, а также аффективную связь с читателем, побуждающую воспринимать мир истории как перформативно реальный. В «Дожде в Париже» ключевым механизмом становится топофильный аффект. В «Фокусе» акцент смещается на реконструкцию травмы и стратегию «пересборки» идентичности.

Выводы. Проведенное исследование (пусть и в самых общих чертах) подтверждает, что автофикшн в прозе Р. Сенчина и М. Степановой выступает репрезентативной стратегией метамодернизма. Личный и травматический опыт преобразуется в художественную рефлексия, направленную на воссоздание идентичности.

Ключевые слова: метамодернизм, автофикшн, русская проза, аффект, автор, герой.

Постановка проблемы. Современная русская литература разнопланова, однако в этом многообразии наиболее заметным становится обращение к личному опыту. Ключевым жанровым выражением субъективности можно

считать автофикшн, который, по мнению Э. Гиббонс, стал знаковым для метамодернистской эстетики в целом. Исследователь анализирует автофикшн, непосредственно «связывая процветание данного жанра с метамодернизмом как культурной доминантой» и соотнося его со «структурой чувства»¹, в которой, по мысли автора, «отражаются взаимосвязанные оси историчности, аффекта и глубины» [Гиббонс, 2022, с. 287]. Одной из причин взлета интереса к автофикшну называют тяготение литературных практик к документальному, фактологическому, референциальному началу [Муравьева, 2025, с. 198]. Специфика жанра, основанного на совмещении реальных фактов из жизни автора с вымыслом, не исчерпывается лишь игрой на границе документального и художественного. Наиболее перспективным представляется рассмотрение автофикшна в метамодернистском контексте, где на первый план выходят категории новой искренности, аффекта и часто поиска историчности. Несмотря на растущий интерес к автофикшну за рубежом и его теоретическое осмысление в работах Э. Гиббонс, А. Эффе, А. Джеймс, в отечественном литературоведении эта проблематика только начинает разрабатываться. Анализ русского автофикшна в контексте метамодернистской теории до сих пор не стал предметом специального системного исследования, что определяет актуальность данной работы. Между тем в отечественной прозе последнего времени автофикциональные стратегии становятся определяющими для таких знаковых авторов, как Р. Сенчина, роман «Дождь в Париже» (2018), М. Степанова, роман «Фокус» (2024). Именно поиск новой искренности через конструирование «я» на границе вымысла и биографии объединяет эти столь разные тексты.

Цель исследования – определить специфику отечественного автофикшна в контексте метамодернистской парадигмы, выявив, каким образом в текстах Р. Сенчина и М. Степановой реализуются ключевые категории метамодернизма.

Обзор научной литературы по проблеме. Теоретическую основу жанра автофикшна заложили западные исследователи. Ключевое значение имеют труды Ф. Лежена по теории автобиографии и концептуализация термина С. Дубровски. Проблематику гибридной идентичности и нарративных стратегий автобиографического письма впоследствии разрабатывали А. Эффе, Р. Менн, А. Джеймс. В контексте метамодернизма особое место занимают работы Э. Гиббонс, непосредственно связавшей расцвет автофикшна с этой культурной парадигмой. В последние годы проблематика русских форм автофикционального письма активно разрабатывается и в отечественном литературоведении в работах А.В. Жучковой, Л.Е. Муравьевой и К.Э. Разухиной. При анализе конкретных текстов отечественной метамодернистской прозы (романы Р. Сенчина и М. Степановой) мы обращаемся в том числе к теоретическим разработкам Н.В. Ковтун, Д.О. Котомцева, Е.О. Новиковой.

Методология исследования. Поскольку фокусом нашего исследования является автофикшн в контексте метамодернистской литературы, теоретическую базу работы составляют три ключевых понятия. Во-первых, «мы будем опираться

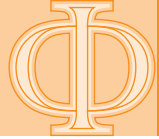
¹ Williams, R. *Marxism and Literature*. Oxford, Oxford University Press, 1977. 218 p.

прежде всего на теорию, предложенную Т. Вермюленом и Р. ван ден Аккером, как наиболее разработанную для анализа художественных текстов», это концепция метамодернизма [Сокк, 2026, с. 152]. Во-вторых, это термин «автофикшн» (autofiction)², введенный С. Дубровски для обозначения литературы, балансирующей между автобиографизмом и вымыслом. Теоретическое осмысление этого баланса восходит к классической работе Ф. Лежена, разграничившего автобиографию и роман. Как уточняет К.Э. Разухина, автофикшн «предполагает именно оксюморонное соединение двух рецептивных стратегий чтения» [Разухина, 2024б, с. 127], которые Лежен теоретически развел, но которые в автофикшне вступают в парадоксальный синтез. В-третьих, для анализа того, как автофикшн функционирует именно в рамках метамодернистской эстетики, мы обращаемся к работам Э. Гиббонс. Исследовательница показывает, что современный автофикшн не просто гибриден, а является прямым следствием метамодернистской осцилляции. Текст одновременно предлагает читателю и «неразрешимый парадокс» (игру с фактом), и «самоартикулирующую искренность» (прямое выражение чувства), причем это противоречие не снимается, а становится двигателем повествования [Gibbons, 2022, p. 473].

С опорой на структурно-типологический, сравнительный и текстуальный методы в исследовании осуществляется системное применение концептуального аппарата метамодернизма и теории автофикшна к современной отечественной прозе с целью выявления в ней ключевых художественных стратегий.

Результаты исследования. Следует подчеркнуть, что термин «автофикшн», возникнув в пространстве французской теории, преодолел свои изначальные географические пределы, войдя в активный обиход других национальных литератур. Однако его релевантность не ограничивается литературоведением: автофикциональные стратегии и связанная с ними «структура чувства» оказываются продуктивным инструментом анализа в исследованиях «изобразительного искусства, кинематографа, а также Интернета» [Гиббонс, 2022, с. 293]. Автофикциональный текст, по определению К. Гронеманн, совмещает в себе установки на вымысел и автобиографизм, что делает его принципиально парадоксальным с точки зрения традиционной жанровой системы [Gronemann, 2019, p. 241]. На смену постмодернистской «смерти субъекта» в метамодернистской теории приходит автофикшн, понимаемый как стратегия восстановления авторского «я» и его искреннего высказывания. Как отмечает одна из ведущих теоретиков и практиков метамодернизма Э. Гиббонс, «в современном автофикшне мы обнаруживаем не постмодернистское исчезновение аффекта, но скорее его возрождение. Таким образом, представление субъективности в современном автофикшне скорее перекликается с понятием ситуативной субъективности, которую можно считать метамодерном» [Гиббонс, 2022, с. 292].

² Неологизмом «автофикшн» (autofiction) в 1977 г. французский писатель Серж Дубровский назвал свой роман в «Сын» («Fils»).

В отечественной литературе у истоков автофикшена стоит Эдуард Лимонов. Несмотря на хронологическую близость романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка»³ (1976) к «Сыну» (1977) С. Дубровски – тексту, считающемуся каноническим образцом автофикшна, проза Э. Лимонова долгое время не осмыслялась в этом ключе. Однако, как убедительно доказывается в современной критике, «многие особенности, которые мы обнаруживаем в новейших текстах с автофикциональностью, локализуются также и в сочинениях Лимонова» [Разухина, 2024а, с. 116].

Тексты Р. Сенчина «Дождь в Париже» (2018)⁴ и «Фокус» (2024)⁵ М. Степановой, обнаруживающие черты метамодернистской поэтики, могут быть рассмотрены как образцы отечественного автофикшна. Их метамодернистская природа раскрывается через особый модус субъектности, рефлексивность над личной (в том числе травматической) памятью, а также гибридизацию факта и вымысла, подчиненную стратегии новой искренности.

Одним из ключевых признаков метамодернистского автофикшна в «Дожде в Париже» становится особая пространственная организация текста. Кольцевая композиция <...>, которую открывает и замыкает проход героя «по длинному рукаву, проложенному из самолета в аэропорт», <...> в поисках собственного «я» [Ковтун, 2023, с. 275]. Это блуждание, лишённое постмодернистской иронии, реализует установку на новую искренность: герой всерьёз озабочен поиском смысла жизни, проходя через круги личной памяти и травмы, что соответствует метамодернистскому запросу на подлинность субъективного опыта. Особенность метамодернистского автофикшна заключается в том, что автобиографизм становится не вспомогательным приемом, а методом сюжетостроения. Как отмечает Е.О. Новикова, «увеличивается интерес к собственной жизни, когда автор становится героем, пропуская через себя события, происходящие в мире» [Новикова, 2019, с. 48]. Данная установка прекрасно реализуется в этом романе Сенчина, где личный, в том числе травматический, опыт выступает не просто материалом, а структурообразующим принципом повествования, подчинённым стратегии новой искренности.

Автофикциональная конструкция «Дождя в Париже» выстраивается вокруг персонажа, биографически близкого автору: развод с женой, разлука с ребенком, переезд семьи из Тувы. При этом автор не отождествляется с героем, но именно этот разрыв между «я» реальным и «я» нарративизируемым становится источником рефлексии, характерной для метамодернистского автофикшна. «Личный опыт, преломляясь через призму художественного текста» [Белогорцев, 2023, с. 29] обретает общезначимый статус.

³ К автофикциональному тексту также относят роман «У нас была Великая Эпоха» (1989).

⁴ В статье анализируется следующее издание: Сенчин Р.В. Дождь в Париже. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 416 с.

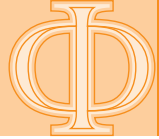
⁵ В статье анализируется следующее издание: Степанова М.М. Фокус. М.: Новое издательство, 2024. 122 с.

Метамодернистский автофикшн определяется сменой коммуникативной модели в триаде «автор – герой – читатель». Вместо отношений просветительства сегодня автор предстает как «свой», эмпатичный, разделяющий опыт читателя, а не навязывающий истину. Подчеркнутая связь между автором и героем принесла в прозу достоверность, искренность, исповедальность [Новикова, 2022, с. 90]. Это сближение напрямую коррелирует с ключевой для данной парадигмы установкой на новую искренность, которая требует поиска новых повествовательных форм, способных воплотить субъективную реальность в регистре предельной подлинности. основополагающим принципом писательского метода в исследованном тексте становится автопсихологизм, предполагающий особый тип отношений между автором и героем. Как отмечает М.В. Ларина, «вступая во взаимоотношения с автором, становясь неотъемлемой частью авторской мифологии, литературный герой выступает в качестве двойника автора, образует с ним специфическую близнечную пару» [Ларина, 2024, с. 187]. Такая особенность поэтики углубляет личностное начало в тексте, обобщает опыт саморефлексии и выводит его на общечеловеческий уровень, что и составляет суть рассматриваемой эстетики.

Концептуальная рамка, предложенная Э. Гиббонс, позволяет уточнить природу автофикшн в «Дожде в Париже». Исследовательница подчеркивает, что современный автофикшн «тематизирует социологические и фенологические измерения личной жизни: как индивидуальность связана с социальной ролью, как переживаются время и пространство» [Гиббонс, 2022, с. 314]. Именно это делает роман Сенчина не просто исповедальным, но и метамодернистским: развод и разлука с сыном осмысляются здесь не только как личная травма, но и как экзистенциальная ситуация современного человека, разрывающегося между иронией и драмой, искренностью и остранным отношением к собственной жизни. Сенчин делает акцент на личности, ее внутренних конфликтах и экзистенциальных переживаниях, а не на социальной роли.

Автофикциональная природа романа определяет его насыщенность бытовыми, географическими и культурными реалиями. Каждая такая деталь не просто маркирует пространство и время, но и отсылает к конкретному сегменту физической реальности, что соответствует метамодернистской установке на достоверность и предельную подлинность субъективного опыта.

Показательной в этом смысле становится деталь, фиксирующая не просто географию, но и культурную идентичность героя. Свое сорокалетие Андрей отмечает в кафе «Горыныч» – реально существующем месте в Кызыле, которое служит неформальным центром притяжения для русскоязычного сообщества. В логике автофикшна упоминание реальных мест Тувы – кафе «Горыныч», спорткомплекс «Субедей», микрорайон «Восток», озеро Дус-Холь (Сватиково) – выполняет двойную функцию. С одной стороны, они маркируют подлинность опыта, создают эффект документальности (реальные места, узнаваемые читателем). С другой – становятся символами отступающей родины, чужеродной

по отношению к парижскому настоящему героя, акцентируя тему ностальгии и поиска «своего» в ситуации культурного разрыва. Так возникает осцилляция между «здесь» (Париж) и «там» (Тува), характерная для метамодернистской чувствительности. Как отмечает А.В. Жучкова, автофикшн «ради подлинности экзистенциального события жертвует достоверностью фактов, отказывается от опоры на документальное свидетельство, дискредитированное постправдой, и отрицает логико-хронологический порядок. Конкретные биографические детали для автофикшна не очень важны и могут быть вымышлены, являясь зачастую точками отталкивания, метафорами. Важнее здесь экзистенциальное чувство свободы» [Жучкова, 2024, с. 166]. В этом смысле топонимическая конкретика в «Дожде в Париже» – не столько фиксация фактов, сколько метафора утраченной целостности, работающая на создание экзистенциальной подлинности, а не документальной достоверности

Если в «Дожде в Париже» Сенчина автофикциональная рефлексия направлена на кризис идентичности, спровоцированный разрывом семейных и пространственных связей, то в романе М. Степановой «Фокус» автофикшн обретает более сложную форму. Здесь он также становится способом работы с личной памятью, однако фокус смещается с экзистенциального кризиса современного человека. «Фокус» выходит за пределы простой реконструкции прошлого: это преодоление стереотипов мышления и автоматизации восприятия, деконструкция привычного образа собственного «я» и движение вперед к новому образу «я» и новому образу мира. Показательно, что Н.В. Ковтун относит этот текст к явлениям *доверчивой метапрозы*, использующей постмодернистские приемы для возрождения утраченных гуманистических ценностей [Ковтун, 2025а, с. 36]. Произведение написано в модальности, усложняющей идентификацию субъекта высказывания и представляющей мир разорванным, фрагментарным, но авторское субъективное начало прослеживается довольно четко [Ковтун, 2025б, с. 407].

Роман «Фокус» демонстрирует характерную для метамодернизма осцилляцию между постмодернистской и модернистской эстетиками: с одной стороны, вариативность смысла, незавершенность, трагедийный пессимизм; с другой – духовное преображение героини, ценностная иерархия, нравственная оценка. Эта осцилляция позволяет рассматривать текст в рамках метамодернистского автофикшна, где личный опыт переплавляется в универсальное высказывание.

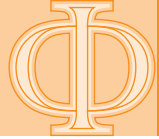
«Финал не возвращает нас к началу романа, не окольцовывает его, создавая бесконечный цикл», – пишет исследователь Д.О. Котомцев, напротив, «глава под номером 0 – это *новое* начало, *новая* история», в которой героиня обретает возможность иной жизни, «семантика нуля может говорить и о нивелировании всяческих смыслов, намекая на посмертие М. в потустороннем мире, в котором она <...> лишается права и на самоопределение, личностную, нравственную, философскую самоидентификацию» [Котомцев, 2024, с. 100]. Эта амбивалентность финала – между обретением и утратой себя – вписывается в логику метамодернистской осцилляции, характерной для анализируемых нами автофикциональных текстов.

В Фокусе акцент с темы памяти, постпамяти смещен в сторону идеи личности, пытающейся как раз забыть, пересобрать себя заново, спасаясь от травматического настоящего [Ковтун, 2025б, с. 410]. В этом смещении проявляется метамодернистская осцилляция между памятью и забвением, между фиксацией травмы и попыткой ее преодолеть. Автофикшн в «Фокусе» работает не только как способ запечатления прошлого, но и как инструмент его переработки – реконструкции идентичности в новом качестве. В романе М. Степановой работа с травмой строится как «преодоление стереотипов мышления и автоматизации восприятия, деконструкция привычного образа собственного «я» и движение вперед: к новому образу «я» и новому образу мира» [Жучкова, 2024, с. 172]. Героиня не замыкается в прошлом, а пытается, спасаясь от травматического настоящего, обрести новую целостность, что и составляет суть метамодернистского автофикшна.

Важной составляющей этой поэтики становится автофикциональное обрамление, которое работает на создание аффективной связи с читателем. Многочисленные отсылки к биографическим деталям побуждают к восприятию нарратора как текстового заместителя реального автора, а мира истории – как перформативно реального [Akker et al., 2019, p. 50].

Выводы. Проведенное исследование подтверждает, что автофикшн в современной русской прозе выступает не только жанровой формой, но и репрезентативной стратегией метамодернизма. В рассмотренных текстах Р. Сенчина «Дождь в Париже» и М. Степановой «Фокус» он становится способом работы с личной и семейной памятью, рефлексии над травматическим опытом, что соответствует ключевым категориям метамодернистской эстетики. Метамодернистская природа этого жанра раскрывается через особый модус субъектности, характеризующийся разрывом между реальным «я» автора и нарративизируемым «я» героя. Эта дистанция становится источником рефлексии и позволяет вывести личный опыт на уровень общечеловеческого высказывания, что подтверждается анализом автопсихологизма в «Дожде в Париже» и стратегиями «пересборки» себя в «Фокусе». Обращение автогероя к глубинному «я» в процессе «написания своего психоанализа» позволяет ему разрушить автоматизм стереотипного восприятия и изменить себя [Жучкова, 2024, с. 163].

В обоих текстах метамодернистский автофикшн реализуется через осцилляцию между противоположными полюсами: между документальностью и метафорой, между памятью и забвением, между фиксацией травмы и попыткой ее преодоления (между постмодернистской незавершенностью и модернистским стремлением к целостности в «Фокусе»). Автофикциональное обрамление в обоих романах работает на создание аффективной связи с читателем, побуждая воспринимать нарратора как текстового заместителя реального автора, а мир истории – как перформативно реальный [Akker et al., 2019, p. 50]. Это соответствует метамодернистской установке на новую искренность и восстановление доверительной коммуникации между автором, героем и читателем.

Таким образом, отечественный автофикшн в прозе Р. Сенчина и М. Степановой может быть интерпретирован как репрезентативная стратегия метамодернизма, в рамках которой биографический и травматический материал становится основой для художественной рефлексии, направленной на «пересборку» идентичности и обретение новой целостности в условиях современного культурного и экзистенциального кризиса. Дальнейшие перспективы исследования связаны с расширением круга анализируемых текстов и более детальным сопоставлением отечественных и зарубежных автофикциональных стратегий в контексте метамодернистской парадигмы.

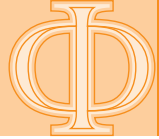
Библиографический список

1. Белогорцев А.Д. Автофикшн, или Псевдоавтобиография: особенности жанра в современной русской литературе // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 3. С. 23–33.
2. Гиббонс Э. Современный автофикшен и аффект метамодерна // Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодерна / под ред. Р. ван ден Аккера, Т. Вермюлена и Э. Гиббонс. М.: РИПОЛ Классик, 2022. С. 285–315.
3. Жучкова А.В. Автофикшн vs. «Литература травмы» // Вестник славянских культур. 2024. № 74. С. 163–181. DOI: 10.37816/2073-9567-2024-74-163-181
4. Ковтун Н.В. Конец истории и его проекции в современной культуре // Традиционализм и авангард в фокусе современной литературы: монография. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2025а. С. 13–38.
5. Ковтун Н.В. Образ железной дороги в романе М. Степановой «Фокус» // Slavistična revija. 2025б. № 73 (3). С. 405–420.
6. Ковтун Н.В. In vino veritas, или Об особенностях винопития в Кызыле и Париже (версия Р. Сенчина) // Сборник Матице српске за славистику. 2023. Т. 103. С. 271–286. DOI: 10.18485/ms_zmss.2023.103.18
7. Котомцев Д.О. Кризис интеллектуализма (опыт интерпретации романа М.М. Степановой «Фокус») // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. 2024. № 3 (119). С. 94–102.
8. Ларина М.В. Автопсихологизм героя в современной русской и немецкой прозе (на материале произведений Р. Сенчина и Кр. Крахта) // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2024. № 10. С. 181–190. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-181-190
9. Муравьева Л. Автофикшн – трансгрессивный жанр? // Новое литературное обозрение. 2025. № 3 (193). С. 197–211. DOI: 10.53953/0869636520251933197
10. Новикова Е.О. «Новый реализм» – его авторы и герои // Сибирский филологический форум. 2019. № 2 (6). С. 45–54. DOI: 10.25146/2587-7844-2019-6-2-08

11. Новикова Е.О. Образ литературного героя в раннем творчестве Романа Сенчина // Сибирский филологический форум. 2022. № 1 (18). С. 89–101. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-18-1-111
12. Разухина К.Э. Автофикшен как медиум культурной памяти: роман Э. Лимонова «У нас была Великая Эпоха» // Новое литературное обозрение. 2024а. № 2 (186). С. 112–122. DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_112
13. Разухина К.Э. От «автофикшна» к автофикциональности: теоретические аспекты // Уральский филологический вестник. Сер.: Драфт: молодая наука. 2024б. № 1. С. 122–137.
14. Сокк А.А. Отечественная проза в дискурсе метамодернизма: направления и представители // Сибирский филологический форум. 2026. № 1 (34). С. 150–162. DOI: 10.24412/2587-7844-2026-1-150-162
15. Akker, R. van den, Gibbons, A., Vermeulen, T. Metamodernism: Period, Structure of Feeling, and Cultural Logic – A Case Study in Contemporary Autofiction // *New Directions in Philosophy and Literature*. Ed. by R. Askin, F. Beckman, D. Rudrum. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2019. P. 41–54.
16. Gibbons, A. A cognitive model of reading Autofiction Alison Gibbons. In: *English Studies*. 2022, 103, 471–493, DOI:10.1080/0013838X.2022.2050611
17. Gronemann, C. Autofiction // *Handbook of Autobiography / Autofiction*. Ed. by M. Wagner-Egelhaaf. Berlin; Boston, De Gruyter, 2019. P. 241–246.

Сведения об авторе

Сокк Александра Александровна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: sandrasokk@mail.ru

CONTEMPORARY AUTOFICTION PROSE IN THE PARADIGM OF METAMODERNISM (BASED ON THE PROSE OF R. SENCHIN AND M. STEPANOVA)

A.A. Sokk (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines Russian autofiction as a representative strategy of metamodernism. The relevance of the study is determined by the need for a systematic analysis of Russian autofiction within the context of metamodernist literature. Drawing on the landmark novels *Rain in Paris* (2018) by R. Senchin and *Focus* (2024) by M. Stepanova, the study identifies the key characteristics of metamodernist autofiction: a distinctive mode of subjectivity, reflection on personal and family memory, hybridization of fact and fiction, and a commitment to new sincerity.

The purpose of this study is to determine the specificity of Russian autofiction within the context of the metamodernist artistic paradigm, identifying how the key categories of literary metamodernism are realized in the texts of R. Senchin and M. Stepanova.

Review of the scientific literature. The development of metamodernist theory is associated with the works of T. Vermeulen, R. van den Akker, and A. Gibbons. Russian and foreign studies in the field of autofiction belong to A.V. Zhuchkova, L.E. Muravyeva, K.E. Razukhina, S. Doubrovsky, P. Lejeune, A. Effe, and others. In the analysis of literary texts, we turn to the works of N.V. Kovtun, D.O. Kotomtsev, and E.N. Novikova as key to addressing the research objectives.

Methodology. The research applies structural-typological, comparative, and textual methods.

Research results. Autofiction in R. Senchin's novel *Rain in Paris* and M. Stepanova's novel *Focus* functions as a representative strategy that refers to the poetics of metamodernism. Its nature is revealed through a distinctive mode of subjectivity (the rupture between the author's real self and the narrativized self of the protagonist), an oscillation between documentality and metaphor, memory and oblivion, as well as through an affective bond with the reader that invites them to perceive the world of the story as performatively real. In *Rain in Paris*, the key mechanism becomes topophilic affect. In *Focus*, the emphasis shifts toward the reconstruction of trauma and the strategy of 'reassembling' identity.

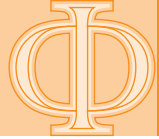
Conclusions. The conducted study (albeit in the most general terms) confirms that autofiction in the prose of R. Senchin and M. Stepanova functions as a representative strategy of metamodernism. Personal and traumatic experience is transformed into artistic reflection aimed at the reconstruction of identity.

Keywords: *metamodernism, autofiction, Russian prose, affect, author, hero.*

References

1. Belogortsev, A.D. Avtofikshn, ili psevdovtobiografiia: osobennosti zhanra v sovremennoi russkoi literature [Autofiction, or Pseudo-Autobiography: Genre Features in Contemporary Russian Literature]. In: *Vestnik RGGU. Serii: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia* [RSUH Bulletin. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies], 2023, 3, 23–33.

2. Gibbons, E. Sovremennyy avtofikshen i affekt metamoderna [Contemporary Autofiction and the Affect of Metamodernism]. In: R. van den Akker, T. Vermeulen, & E. Gibbons, *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmoderna* [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism], 2022, 285–315.
3. Zhuchkova, A.V. Avtofikshn vs. “Literatura travmy” [Autofiction vs. “Trauma Literature”]. In: *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2024, 74, 163–181. DOI: 10.37816/2073-9567-2024-74-163-181
4. Kovtun, N.V. Obraz zheleznoi dorogi v romane M. Stepanovoi Fokus [The Image of the Railway in M. Stepanova’s Novel Focus]. In: *Slavistična revija*, 2025, 73 (3), 405–420.
5. Kovtun, N.V. Konets istorii i ego proektsii v sovremennoi kul'ture [The End of History and Its Projections in Contemporary Culture]. In: *Traditsionalizm i avangard v fokuse sovremennoi literatury: monografiia* [Traditionalism and Avant-Garde in the Focus of Contemporary Literature: A Monograph]. St. Petersburg, Russkaia khristianskaia humanitarnaia akademiia im. F.M. Dostoevskogo, 2025, 13–38.
6. Kovtun, N.V. In vino veritas, ili ob osobennostiakh vinopitiia v Kyzyle i Parizhe (versii R. Senchina) [In vino veritas, or on the Peculiarities of Wine Drinking in Kyzyl and Paris (R. Senchin’s Version)]. In: *Zbornik Matice srpske za slavistiku*, 2023, 103, 271–286. DOI: 10.18485/ms_zmss.2023.103.18
7. Kotomtsev, D.O. Krizis intellektualizma (opyt interpretatsii romana M.M. Stepanovoi “Fokus”) [Crisis of Intellectualism: An Interpretation of M.M. Stepanova’s Novel “Focus”]. In: *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serii Filologicheskie nauki* [Bulletin of Luhansk State Pedagogical University. Series Philological Sciences], 2024, 3 (119), 94–102.
8. Larina, M.V. Avtopsikhologizm geroia v sovremennoi russkoi i nemetskoi proze (na materiale proizvedenii R. Senchina i Kr. Krakhta) [Autopsychologism of the Hero in Contemporary Russian and German Prose (Based on the Works of R. Senchin and Chr. Kracht)]. In: *Vestnik RGGU. Serii: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia* [RSUH Bulletin. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies], 2024, 10, 181–190. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-181-190
9. Murav'eva, L. Avtofikshn – Transgressivnyi Zhanr? [Autofiction – A Transgressive Genre?]. In: *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], 2025, 3 (193), 197–211. DOI: 10.53953/0869636520251933197
10. Novikova, E.O. “Novyi realizm” – ego avtory i geroi [“New Realism” – Its Authors and Heroes]. In: *Sibirskii filologicheskii forum* [Siberian Philological Forum], 2019, 2 (6), 45–54. DOI: 10.25146/2587-7844-2019-6-2-08
11. Novikova, E.O. Obraz literaturnogo geroia v rannem tvorchestve Romana Senchina [The Image of a Literary Hero in the Early Works of Roman Senchin]. In: *Sibirskii filologicheskii forum* [Siberian Philological Forum], 2022, 1 (18), 89–101. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-18-1-111

12. Razukhina, K. Avtofikshen kak medium kul'turnoi pamiati: roman E. Limonova "U nas byla Velikaia Epokha" [Autofiction as a Medium of Cultural Memory: E. Limonov's Novel "We Had a Great Era"]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2024, 2 (186), 112–122. DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_112
13. Razukhina, K.E. Ot "avtofikshna" k avtofiksional'nosti: teoreticheskie aspekty [From "Autofiction" to Autofictionality: Theoretical Aspects]. In: *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya Draft: molodaia nauka* [Ural Philological Bulletin. Series Draft: Young Science], 2024, 1, 122–137.
14. Sokk A.A. Otechestvennaia proza v diskurse metamodernizma: napravleniia i predstaviteli [Russian Prose in the Discourse of Metamodernism: Trends and Representatives]. In: *Sibirskii filologicheskii forum* [Siberian Philological Forum], 2026, 1 (34), 150–162. DOI: 10.24412/2587-7844-2026-1-150-162
15. Akker, R., van den, Gibbons, A., Vermeulen T. Metamodernism: Period, Structure of Feeling, and Cultural Logic – A Case Study in Contemporary Autofiction. In: *New Directions in Philosophy and Literature*. Ed. by R. Askin, F. Beckman, D. Rudrum. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2019, 41–54.
16. Gibbons, A. A Cognitive Model of Reading Autofiction Alison Gibbons. In: *English Studies*. 2022, 103, 471–493, DOI: 10.1080/0013838X.2022.2050611
17. Gronemann, C. Autofiction. In: *Handbook of Autobiography*. Ed. by M. Wagner-Egelhaaf. Berlin; Boston, De Gruyter, 2019, 241–246.

About the author

Sokk, Aleksandra A. – PhD Candidate, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: sandrasokk@mail.ru